

Лебедев А. П. Отрадное явление: (библиографическая заметка): [Рец. на:] Летопись историко-филологического общества при Новороссийском университете: Том 2. Византийское отделение. Ч. 1: Исследования (с. 1–287); хроника с обзором новейших трудов по византиноведению (с. 1–136). Одесса, 1892 // Богословский вестник 1893. Т. 1. № 1. С. 210–221 (1-я пагин.).

ОТРАДНОЕ ЯВЛЕНИЕ

(библиографическая заметка).

Лѣтопись историко-филологическаго общества при новороссійскомъ университетѣ, т. II. *Византийское отдѣленіе*, ч. 1: Исслѣдованія (стр. 1–287); хроника съ обзоромъ новѣйшихъ трудовъ по Византиновѣдѣнію (стр. 1–136). Одесса, 1892.

Назадъ тому четыре — пять лѣтъ намъ случилось прочитать въ одной изъ Петербургскихъ газетъ открытое письмо извѣстнаго русскаго византолога профессора *Θ. И. Успенскаго*, находившагося въ то время въ мрачномъ Эскуриалѣ и изучавшаго въ тамошней библіотекѣ рукописи, касающіяся исторіи Византіи, — письмо, въ которомъ говорилось, что въ западныхъ хранилищахъ рукописей находится немного новыхъ матеріаловъ, имѣющихъ значеніе для византолога, и что пора намъ, русскимъ, приняться за серьезное изученіе прошлаго въ исторіи Византіи. Прочитавъ это письмо, мы подумали: „да, пора“; но при этомъ у насъ мелькнула мысль: мало ли чѣмъ пора бы намъ заниматься, но однакожъ мы откладываемъ все такое въ долгій ящикъ.

Мы никакъ не могли надѣяться тогда, чтобы у насъ въ Россіи, въ непродолжительномъ времени возникъ организованный кружокъ византологовъ, и чтобы у этого кружка нашлось довольно усердія и матеріальныхъ средствъ на изданіе какихъ либо сочиненій по части изученія Византіи. Но то, чего мы никакъ не могли ожидать назадъ тому четыре-пять лѣтъ, въ настоящее время, къ нашему пол-

нѣйшему удовольствію и къ удовольствію всѣхъ хоть немного интересующихся византологіей, — осуществилось.

При новороссійскомъ университетѣ образовалось историко-филологическое общество, а при немъ „Византійское отдѣленіе“. Предсѣдателемъ указаннаго историко-филологического общества состоитъ одинъ изъ талантливѣйшихъ и трудолюбивѣйшихъ византистовъ, проф. одесскаго университета *Θ. И. Успенскій*. Это уже одно имя служить ручательствомъ, что „Византійское отдѣленіе“ общества принесетъ плодъ многъ. И едва ли мы ошибемся, мечтая о будущей плодovitости указаннаго интереснаго для насъ отдѣленія. Начало дѣятельности новороссійскаго историко-филологического общества во всякомъ случаѣ говорить въ пользу нашихъ мечтаній. Недавно еще образовалось это общество, а при немъ и Византійское отдѣленіе, а мы имѣемъ уже удовольствіе пестать въ своихъ рукахъ первенца, рожденнаго Византійскимъ отдѣленіемъ, подлинное имя котораго названо нами выше. *Vivat Byzantina Academia, vivant professores!*

Къ сожалѣнію, мы не знаемъ ни „устава“ Византійскаго отдѣленія при Одесскомъ университетѣ, ни программы дѣятельности этого отдѣленія, ни даже полнаго списка именъ тѣхъ лицъ, изъ которыхъ состоитъ кружокъ одесскихъ византистовъ. Но въ этомъ нѣтъ большой бѣды. Одинъ изъ рецензентовъ, помѣстившій въ „Обзорѣ новѣйшихъ трудовъ по византиновѣднію“ свою статью, начинаетъ ее раскрытіемъ мыслей о значеніи изученія Византійской исторіи для русскаго общества, — мыслей, которыя достаточно разъясняютъ мотивы, одушевляющіе кружокъ одесскихъ византистовъ. Вотъ эти мысли. „Многочастны и многообразны связи, соединяющія русскую исторію съ византійскою. Основанная на достовѣрныхъ источникахъ, а не на народныхъ преданіяхъ, наша древняя исторія есть въ сущности часть исторіи византійской. Византіи обязаны мы религіей; полученное изъ Византіи христіанство сильно повліяло сверхъ того на наше право, на образъ жизни вообще. Письменностію мы цѣликомъ обязаны тоже Византіи; книжная словесность наша многими разсматривается какъ копія византійской, и такое мнѣніе имѣетъ не мало основаній. Не ограничившись древнѣйшимъ періодомъ на-

шей исторіи, вліяніе Византіи такъ же сильно, если даже не сильнѣе оказалось и въ наши средніе вѣка; достаточно указать на значеніе византійскихъ теорій на сформированіе представленій о верховной власти въ московскомъ государствѣ. Казалось бы, что при такомъ условіи, что изученіе исторіи Византіи и вліянія ея на Русь должно занимать важнѣйшее мѣсто въ нашей исторіографіи; между тѣмъ всѣ относящіяся сюда работы у насъ можно перечесть по пальцамъ. Чѣмъ же объясняется столь неправильное положеніе у насъ византологіи? Тутъ собралось немало причинъ; наприм. необходимость такого знанія греческаго языка со всѣми его труднѣйшими средневѣковыми стилистическими особенностями, какое не часто встрѣчается даже между западно-европейскими учеными; затѣмъ сравнительно слабая разработка исторіи Византіи въ западной наукѣ XIX вѣка, у которой и мы всегда учились, а оригинальной греческой исторической византологіи и подавно не было; наконецъ даже умышленное пренебреженіе къ исторіи Византіи въ западной наукѣ; это же исторія паденія государства. Однако это паденіе продолжалось свыше 1000 лѣтъ и напоминаетъ болѣзнь человѣка, которая продолжалась бы въ теченіе всей его 100-лѣтней жизни и наконецъ свела его въ могилу. Внимательный глазъ откроетъ въ этомъ 1000-лѣтнемъ „паденіи“ и дѣйствительныя эпохи застоя, но и эпохи сильнаго и прогрессивнаго движенія. Затѣмъ, византійская жизнь сравнивалась съ болотомъ, гдѣ же гадовъ нѣсть числа. Конечно, и здѣсь сильное преувеличеніе; параллельныя черты жизни найдемъ мы обильно въ средневѣковой жизни любого европейскаго государства. Но хотя бы и такъ; все же культурная роль Византіи въ исторіи западной Европы дѣлаетъ необходимымъ ея изученіе, а для нашей русской науки необходимость эта, по вышесказаннымъ причинамъ, еще усугубляется. И мы полагаемъ, что такъ какъ для нашихъ ученыхъ, желающихъ специализироваться по всеобщей исторіи, гораздо полезнѣе было бы обратиться къ изученію тѣхъ вопросовъ, гдѣ русская исторія сталкивается со всеобщей, чѣмъ лить струи воды въ море западной исторической науки (*върно*),—то исторія Византіи представляетъ для этого еще мало истощенное трудами поле. Въ послѣдніе годы однако въ западной на-

укъ по отношенію къ Византіи произошелъ поворотъ, въ силу котораго явилось нѣсколько капитальнѣйшихъ трудовъ по византологіи. Параллельно тому и наши ученые стали сильнѣе работать въ томъ же направленіи, но кажется прямой связи здѣсь не было“. Затѣмъ авторъ справедливо указываетъ, что возникновеніе школы нашихъ византологовъ обязано большому взятію въ этомъ отношеніи профессоровъ петербургскаго университета Васильевскаго и Ламанскаго. Къ той же школѣ принадлежитъ и профессоръ О. И. Успенскій, сплотившій вокругъ себя кружокъ византистовъ въ Одессѣ (стр. 100—101).

Къ вышеприведеннымъ разъясненіямъ автора слѣдуетъ прибавить лишь немного: нельзя ограничивать изученіе исторіи Византіи лишь тѣмъ періодомъ, который соприкасается съ исторіей Россіи, потому что этотъ періодъ есть результатъ еще болѣе древней эпохи въ жизни Византіи; а потому слѣдуетъ настаивать на изученіи всей исторіи Византіи, а не какихъ либо отдѣльныхъ періодовъ византійской исторіи. Жизнь Византіи представляетъ клубокъ, во которомъ только тогда дойдешь до середины, когда размотаешь его до конца.

Византійская исторія сама по себѣ, конечно, не есть предметъ богословскій. И съ перваго взгляда, пожалуй, можетъ показаться, что русскимъ богословамъ нечему особенно радоваться, если учредилось ученое „Византійское отдѣленіе“ при одномъ изъ нашихъ университетовъ. Но на самомъ дѣлѣ не такъ. Изученіе Византійской исторіи невозможно безъ болѣе или менѣе серьезнаго изученія въ то же время различныхъ религіозныхъ партій, движеній, направленій, богословской литературы, религіозной жизни и ересей въ Византіи. Поэтому изученіе Византійской исторіи вообще, если оно ведется основательно и многосторонне, необходимо должно оказывать услуги и богословской наукѣ, и въ особенности церковно-исторической. Чтобы не ходить далеко за примѣрами, укажемъ на нѣкоторыя сочиненія по Византологіи, принадлежащія перу проф. О. И. Успенскаго. Его сочиненіе подъ заглавіемъ: „Никита Акоминатъ изъ Хонъ“ не можетъ не быть интересно для церковнаго историка, потому что Никита имѣетъ большую важность и въ церковной исторіографіи и въ византійскомъ богословіи

XII вѣка. Другое сочиненіе того же автора недавно появившееся, подъ заглавіемъ: „Очерки по исторіи Византійской образованности“ (Петб. 1891) есть на половину сочиненіе богословское; когда это сочиненіе печаталось сначала въ „журн. Мип. Народн. Просвѣщенія“, то оно имѣло такіа заглавія: „Константинопольскій соборъ 842 года и утвержденіе Православія“, „Богословское и философское движеніе въ Византіи XI и XII вѣковъ“, — „Философское и богословское движеніе въ XIV вѣкѣ: „Варлаамъ, Палама и приверженцы ихъ“ и т. п. И нужно сказать, что эти частныя заглавія отдѣловъ названнаго сочиненія вполнѣ соответствуютъ существу дѣла.

А лучше всего значеніе изученія Византіи для богословской науки вообще, для церковной исторіи въ частности, доказываетъ указанный нами въ началѣ нашей статьи первый же томъ по Византологіи, выпущенный въ свѣтъ ученымъ „Византійскимъ отдѣленіемъ“ при Одесскомъ университетѣ. Къ разсмотрѣнію этого тома теперь и обратимся.

Въ разсматриваемомъ томѣ сначала помѣщены: „ислѣдованія“. Почти всѣ они имѣютъ прямой или косвенный интересъ для богослова. Ознакомимся съ ихъ содержаніемъ, при чемъ находимъ умѣстнымъ воздержаться отъ всякихъ критическихъ замѣчаній по поводу ихъ, главнымъ образомъ потому, что не желаемъ ослабить того отраднаго впечатлѣнія, какимъ мы на этотъ разъ имѣемъ въ виду подѣлиться съ читателемъ. На первомъ мѣстѣ помѣщена статья Г. С. Дестуниса по византійской филологіи, подъ заглавіемъ: „Живые остатки по византійской терминологіи“. Нѣкоторые изъ разобранныхъ авторомъ терминовъ интересны и не для спеціалиста-византолога, таковъ наприм. терминъ *τρούλα*, *τρούλλος*, отъ котораго въ позднѣйшемъ его значеніи получилъ наименованіе извѣстный Трульскій соборъ. Почему этотъ соборъ получилъ такое названіе—это извѣстно: отъ имени одной дворцовой залы, посившей названіе труллы. Но что значить „трулла“, церковные историки точнаго отвѣта дать не могли: одни утверждали, что зала эта называлась такъ потому, что она была „со сводами“ (?), другіе же—потому, что потолокъ ея имѣлъ сходство съ раковиной. Оказывается, что ни то, ни другое толкованіе не вѣрно. „Трулла“ первоначально значило „небольшую мѣрку

сыпучихъ тѣлъ“, „малую чашку“. А потомъ „труллой“ по сходству фигуры стали называть и „куполъ“. Поэтому зала: трулла значитъ: зала съ куполомъ. Въ какой части „Большаго дворца“ въ Константинополѣ, находилась указанная зала неизвѣстно (стр. 20—21).

На второмъ мѣстѣ въ отдѣлѣ „изслѣдованій“ находимъ статью Ѳ. И. Успенскаго подъ заглавіемъ: „Типикъ монастыря св. Маманта въ Константинополѣ“. Авторъ такъ начинаетъ свою статью: „Въ богословской школѣ на о. Халки, близъ Константинополя, существуетъ довольно значительная по количеству рукописныхъ сборниковъ библіотека. Между прочимъ здѣсь обращаетъ на себя вниманіе сборникъ актовъ, относящихся къ исторіи монастырской. Это такъ называемые „кѣиторскіе уставы“, ознакомляющіе насъ какъ съ внутренними распорядками монастыря, такъ и съ исторіей его внѣшней жизни. Историческое значеніе кѣиторскихъ уставовъ легко усматривается изъ того, что въ нихъ находятся копіи или оригиналы учредительныхъ грамотъ, привиллегій и дарственныхъ записей, которыми монастырь могъ доказать и оправдать свои права по отношенію къ патріарху или мѣстному епископу, судѣ или сборщику податей. Кѣиторскій уставъ, какъ *charta libertatum*, былъ весьма тщательно сохраняемъ монастырской братіей и почитался драгоценнѣйшимъ сокровищемъ, которое безъ особенной нужды рѣдко кому показывалось. Въ одномъ сборникѣ Халкинской библіотеки есть нѣсколько такихъ уставовъ, между прочимъ монастырей: Пандократора, Бачкова, св. Маманта въ Константинополѣ. Мы предполагаемъ остановиться вниманіемъ на типикѣ послѣдняго изъ названныхъ монастырей“ (25—26). Отсюда видно, что авторъ имѣетъ дѣло съ совершенно новымъ, неизвѣстнымъ до сихъ поръ, памятникомъ. Конечно, мы не можемъ передать всего содержанія изслѣдованія г. Успенскаго, и ограничимся указаніемъ лишь на немногія стороны его. Типикъ монастыря св. Маманта, по словамъ нашего ученаго, даетъ живую картину константинопольскаго монастыря XII вѣка (28). Въ этомъ типикѣ довольно говорится о нѣкоторыхъ лицахъ, именуемыхъ харистикаріями и хорошо объясняется это оригинальное византійское учрежденіе. Въ первый разъ знакомимся съ харистикаріями въ соборныхъ опредѣленіяхъ и актахъ на владѣніе въ началѣ

XI вѣка. Харистикаріями назывались свѣтскія лица, получившія въ свое управленіе монастыри. Несомнѣнно, что раздачей церковныхъ имуществъ въ условное владѣніе свѣтскимъ людямъ византійское правительство преслѣдовало тѣ же цѣли, какія—по сужденію автора—имѣлись въ виду у Каролинговъ, когда они наложили руку на церковную и монастырскую поземельную собственность около половины 8-го вѣка. Харистикаріи выпрашивали себѣ монастыри у патріарховъ, подъ предлогомъ поддержанія ихъ, защиты и улучшенія; но на самомъ дѣлѣ они становились раззорителями обитателей. Мало того: раззоривъ полученный въ свое распоряженіе монастырь, мнимый попечитель еще продавалъ его другимъ на подобіе совершенно обыкновеннаго имѣнія или передавалъ въ видѣ дара. Но что еще неприличнѣе и нечестивѣе, женщины въ подобныхъ случаяхъ получали начальство надъ мужскими монастырями, мушны надъ женскими. Игуменъ въ такого рода монастыряхъ терялъ всякую власть, всѣмъ распорядился харистикарій, онъ дѣлалъ распоряженіе и посылалъ игумену приказъ постричь такогото въ монахи. (76—78). Нельзя не находить — скажемъ мы—указанныя черты быта очень любопытными.

Дальнѣйшая статья проф. Д. Θ. Бѣляева: „Храмъ Богородицы Халкопратійской въ Константинополѣ“ (85—106) имѣетъ археологическое значеніе: очень важно знать, гдѣ именно находился этотъ храмъ, такъ какъ сюда именно направлялись религіозныя процессіи, въ которыхъ участвовали и византійскіе императоры и которыя происходили ежегодно дважды въ два важнѣйшіе богородичные праздники.

Обширная статья профессора Н. Θ. Красносельцева: „Типикъ церкви св. Софіи въ Константинополѣ“ (стр. 156—254) такъ интересна, что въ нашей краткой замѣткѣ мы не только не въ состояніи рассказать ея содержаніе, но и дать вполне ясное о ней понятіе. Прежде всего нужно сказать, что „типикъ св. Софіи“ есть въ полномъ смыслѣ слова открытіе г. Красносельцева. До сихъ поръ никто ничего не зналъ о такомъ типикѣ. Этотъ памятникъ находится на о. Патмосѣ и открытъ нашимъ ученымъ совершенно случайно. Напечатанъ онъ далеко не весь въ разбираемой статьѣ, и самое изслѣдованіе о немъ авторъ называетъ лишь первоначальной работой надъ интересной

находкой. „Типикъ св. Софiи“, открытый и отчасти изслѣдованный г. Красносельцевымъ есть ничто иное, какъ цѣльное описанiе церемонiала патриаршаго служенiя въ храмѣ св. Софiи въ Константинополѣ IX вѣка. До сихъ поръ никто ничего не зналъ о существованiи на свѣтѣ такого памятника. Но какое собственно значенiе долженъ имѣть этотъ памятникъ въ наукѣ? Онъ долженъ расширить, пополнить и исправить наши познанiя по части исторiи такъ называемыхъ церковныхъ уставовъ. До сихъ поръ извѣстны были лишь два устава — студiйскiй и iерусалимскiй. Оба эти устава собственно монастырскiе, т. е. они сложились въ двухъ знаменитыхъ греческихъ монастыряхъ — св. Саввы близъ Iерусалима и Студiя въ Константинополѣ, сложились въ монастыряхъ и для монастырей вообще. Одинъ изъ этихъ уставовъ — именно Iерусалимскiй (св. Саввы) порешель къ намъ на Русь и сдѣлался уставомъ не только монастырей, но и соборовъ и приходскихъ церквей. Давно уже возбуждался въ наукѣ вопросъ: да неужели же въ Византии и вообще византийскомъ государствѣ — и въ соборахъ и въ приходскихъ храмахъ церковныя службы и въ древности правились исключительно по монастырскому уставу, а не какому нибудь еще? Для разъясненiя этого вопроса у насъ больше другихъ сдѣлать покойный проф. Мансветовъ, но и онъ сдѣлать многого не могъ: онъ работалъ, основываясь на немногихъ данныхъ, держась сферы гипотезъ. Сдѣланнаго профессоромъ Мансветовымъ наука не забудеть. Но все же вопросъ не былъ рѣшенъ настоящимъ образомъ. Съ открытiемъ „типика св. Софiи въ Константинополѣ“ дѣло должно принять болѣе счастливый оборотъ. Теперь наука въ состоянiи стать на болѣе твердую почву при рѣшенiи вопроса: какъ правились службы въ соборахъ и приходскихъ церквахъ въ Греци въ IX, X вѣкахъ и около этого времени. Самъ г. Красносельцевъ объ этомъ разсуждаетъ такъ: въ „типикѣ церкви св. Софiи“ мы имѣемъ дѣло съ особеннымъ строемъ службы, давно уже вышедшимъ изъ употребленiя и позабытымъ, а именно съ такъ называемымъ „пѣсеннымъ послѣдованiемъ“ (*ἀσματικὴ ἰακωνθία*). Этотъ строй службы былъ господствующимъ въ Восточной церкви по крайней мѣрѣ до XIII вѣка. По своему характеру онъ примыкаетъ къ древне-христіанскому богослуженiю. Позднѣй-

шіе составители уставовъ и литургисты (наприм. Симеонъ Солунскій) считали его какъ бы спеціальною особенностію устава Великой церкви (т. е. Софійской), но онъ на самомъ дѣлѣ былъ болѣе распространенъ и считался какъ бы нормальнымъ для церквей соборныхъ и мірскихъ“ (231—2). Къ сожалѣнію, мы не можемъ входить въ дальнѣйшія подробности по поводу открытія и разсужденій нашего автора.

Послѣ статьи г. Красносельцева въ разсматриваемомъ томѣ помѣщено изслѣдованіе А. И. Кирпичникова: „Переписка монаха Іакова съ императрицей“, возбуждающее церковно-историческій интересъ. Занимаясь изученіемъ нѣкоторыхъ рукописей въ Національной Библіотекѣ въ Парижѣ, авторъ натолкнулся на манускриптъ, заключающій въ себѣ „Письма монаха Іакова къ императрицѣ Иринѣ“. Подъ этой Ириной съ достаточной основательностію г. Кирпичниковъ разумѣетъ св. Ирину, извѣстную возстановительницу иконопочитанія. По словамъ автора, двѣ трети переписки Іакова (всего писемъ 43) посвящены разнообразнымъ богословскимъ вопросамъ, за разрѣшеніемъ которыхъ къ нему не разъ обращалась императрица. Іаковъ, какъ видно, вмѣшивался въ дѣла политическія и хотѣлъ вліять въ этомъ отношеніи на Ирину. Въ письмѣ 38 Іаковъ именуетъ одного изъ самыхъ злыхъ враговъ императрицы — Θεοφιλάкта, относительно котораго онъ даетъ ей жестокіе совѣты. „Не давай ему власти, но сдavi ему бока; злаго раба можно укротить только винтами и пыткой“. Проф. Кирпичниковъ характеризуетъ и литературную сторону писемъ Іакова. Онъ находитъ у этого писателя „стремленіе выражаться позамысловатѣе, что ведетъ къ неясности, которая въ то время не считалась недостаткомъ, а скорѣе достоинствомъ писателя. Іаковъ, какъ и другіе его собратія, очевидно, стремился къ тому, чтобы читатель не сразу догадывался, о чемъ говоритъ онъ. Наприм., въ 8 письмѣ онъ такъ расхваливаетъ императрицу и выражаетъ къ ней такое благоговѣніе, что читатель въ нѣкоторомъ сомнѣніи — не о Богоматери ли онъ говоритъ. Значеніе писемъ Іакова опредѣляется не только личностію его корреспондента, но и тѣмъ, что эпоха иконоборческая, въ которую жилъ Іаковъ, и которая, неизвѣстно почему, нѣкоторыми учеными считается прогрессивною, отличается поразительною скудностію лите-

ратурныхъ памятниковъ. Извѣстный историкъ византійской литературы Крумбахеръ говоритъ о временахъ отъ 650 до 850 года: „никогда неизмѣримый духовный потокъ, который представляетъ греческая литература, не высыхалъ до такой степени, какъ въ эти два столѣтїя“. При этомъ Крумбахеръ вычислилъ, что въ Патрологіи Миня на VII и VIII столѣтїя, если исключить Іоанна Дамаскина и Косму Іерусалимскаго, придется всего два тома, тогда какъ на прочія столѣтїя приходится по 10 томовъ на каждое (255—280).

Направленіемъ всѣхъ „изслѣдованій“, нашедшихъ мѣсто въ разсматриваемомъ томѣ „Лѣтописи“, богословъ долженъ быть вполне доволенъ...

Новымъ доказательствомъ значенія изученія Византіи для богослова и въ частности церковнаго историка можетъ служить обстоятельный „Обзоръ повѣйшихъ трудовъ по византиновѣдѣнію“, помѣщенный въ этой же „Лѣтописи“. Большая часть критико-библіографическихъ статей, находящихся въ этомъ обзорѣ или имѣютъ несомнѣнный интересъ и для богослова или прямо носятъ богословскій характеръ. Познакомимся вкратцѣ съ указанными статьями. Первое мѣсто занимаетъ разборъ книги проф. *Васильевскаго*: „Обозрѣніе трудовъ по византійской исторіи“ (П. Б. 1890). Здѣсь рѣчь идетъ объ изданіи источниковъ по части Византіи, изданіи имѣвшемъ мѣсто до XIX в. А между этими источниками видное положеніе занимаютъ отцы церкви и писатели христіанскіе. Читающій статью о книгѣ *Васильевскаго* то и дѣло встрѣчается съ именами такихъ „церковныхъ византійскихъ писателей, какъ Василій В., Златоустъ, Григорій Назіанзинъ“ и т. д. Затѣмъ слѣдуетъ въ разсматриваемомъ томѣ оцѣнка книги г. *Безобразова*: „Византійскій писатель Михаилъ Пселъ“ (М. 1890)—личность извѣстная каждому церковному историкъ. Далѣе слѣдуетъ разборъ книги г. *Сырку*: „Описаніе бумагъ еписк. Порфирія Успенскаго, пожертвованныхъ имъ въ Академію Наукъ“ (П. Б. 1891). Ясное дѣло, что въ этомъ случаѣ богословскій интересъ является преобладающимъ. Послѣ разбора книги *Сырку*, идетъ статья о книгѣ *Ө. И. Успенскаго*: „Очерки по исторіи византійской образованности“ (П. Б. 1891). Выше мы имѣли случай указать, что книга эта любопытна для богослова уже частными заглавіями ея отдѣловъ. Разсматри-

ваемая же статья еще разъ доказываетъ, что сочиненіе проф. Успенскаго исполнено богословскаго интереса. Читатель статьи о книгѣ г. Успенскаго чуть не на каждой строкѣ наталкивается на указаніе предметовъ, принадлежащихъ къ сферѣ богословской: православію, иконоборческая ересь, сиподикъ, еретикъ Италъ и его школа, богумильство, ереси второй половины XII вѣка, вопросъ о свѣтѣ Преображенія Господня (т. е. споръ о Фаворскомъ свѣтѣ) и т. д. Намъ представляется очень поучительнымъ слѣдующее замѣчаніе критика о разбираемой имъ книгѣ: г. Успенскимъ „написана книга вполне научная, и въ тоже время общепонятная, чуждая той схоластики, привнесеніе которой, въ сущности не удовлетворивъ никого, пожалуй доставило бы автору репутацію глубокомысленнѣйшаго писателя, *такого, что и читать его книгу было бы не кому*“ (102). Глубоко справедливое замѣчаніе: пора бы и всѣмъ нашимъ ученымъ догадаться (какъ догадались лучшіе иностранные писатели), что безцѣльно писать книги для какой-то касты специалистовъ, для двухъ-трехъ читателей, а что ученый, какъ членъ общества, долженъ писать для общества, такъ чтобы самыя глубокомысленныя изысканія были общепонятны. Нельзя не отмѣтить еще значительной свободы, съ которой выражаетъ критикъ свои мысли. Не смотря на то, что онъ пишетъ въ „Лѣтописи“, представляющей собой въ нѣкоторомъ смыслѣ почтенный органъ проф. Успенскаго, критикъ не стѣсняется указывать „увлеченія“ въ книгѣ этого послѣдняго и въ этомъ отношеніи онъ заходитъ такъ далеко, что позволяетъ себѣ положительноныя придирки (наприм. стр. 103, первая ея половина). Какъ бы то ни было, изъ сейчасъ указаннаго факта открывается, что дѣло ведется въ одесскомъ „Византійскомъ отдѣленіи“ на началахъ взаимной толерантности, чего польза не похвалить ¹⁾.—Дальнѣйшая, по порядку, статья составлена Ѳ. И. Успенскимъ и посвящена разбору книги *А. Лебедева* (т. е. моей книги): „Очерки исторіи Византійско-восточной церкви отъ кон. XI до полов. XV-го в.“ (М., 1892). Въ статьѣ находимъ одобрительный отзывъ. Послѣ отзыва о моей книгѣ, слѣдуютъ двѣ рецензіи на двѣ нѣмецкія книги: *Пварцлозе*—*Der Bilderstreit*,

¹⁾ О разсмотрѣваемой книгѣ проф. Успенскаго мы надѣемся при другомъ случаѣ дать болѣе обстоятельный отзывъ.

ein Kampf der griechischen Kirche um ihre Eigenart und ihre Freiheit (Gotha, 1890), и: *Крумбахера* — Geschichte der Byzantinischen Literatur von Justinian bis zum Ende oströmischen Reiches (Münch., 1891). Говоря объ этой послѣдней книгѣ, критикъ дѣлаетъ слѣдующій упрекъ автору: „не давъ у себя мѣста обширному отдѣлу богословской литературы, авторъ заранѣе обрекъ свою систему на неполноту и недостаточную послѣдовательность“ (112). Такъ наши византологи высоко ставятъ богословскую сторону Византійской исторіи.—Въ послѣдующей части библиографическаго „Обзора“ критики дѣлають болѣе или менѣе подробнѣе отзывы еще о нѣсколькихъ чисто-богословскихъ трудовъ. Такъ орд. профессоръ цер. исторіи Одесскаго университета Н. О. Красносельцовъ составилъ рецензію на сочиненіе *Н. Глубоковскаго*: „Блаж. Осодоритъ, епископъ Кирскій (т. I—II. М. 1890). Рецензентъ пишетъ: „сочиненіе представляетъ собой одно изъ наиболѣе отраднѣхъ явленій въ области русской церковно-исторической науки. Это самая обстоятельная и полная монографія о О—ритѣ изъ всѣхъ существующихъ. Она отличается впрочемъ не полнотою только содержанія, но и высокими научными достоинствами“. Исчисливъ эти достоинства, критикъ считаетъ „долгомъ справедливости“ указать на заслуги профессоровъ нашей Академіи, руководившихъ авторомъ при написаніи имъ этого труда. (120 — 22). „Обзоръ“ заканчивается рецензироваіемъ двухъ сочиненій проф. *Покровскаго*: „Стѣнныя росписи въ древнихъ храмахъ греческихъ и русскихъ“ (М. 1890), и: „Евангеліе въ намятникахъ иконографіи, преимущественно византійскихъ и русскихъ“ (СПБ. 1892).

Есть пословица: „хорошее начало — половина дѣла“, т. е. хорошее начало ручается за вполнѣ успѣшное продолженіе дѣла. Пожелаемъ, чтобы эта пословица оправдалась въ дѣятельности „Византійскаго отдѣленія“ Одесскаго кружка историко-филологовъ, такъ какъ *первый* томъ ученыхъ работъ этого „отдѣленія“ заслуживаетъ похвалы.

А. Лебедевъ.